

3 Словарь української мови. В чотирьох томах. Т. 1 [упоряд. Борис Грінченко]. – Київ : Наукова думка, 1996. – 494 с.

4 Сидорец, В. С. О функциональной значимости семантических вариантов глагола *нести* / В. С. Сидорец // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 47–50.

5 Універсальний словник української лексики. Синоніми, антоніми, омоніми [уклад. Л. І. Нечволод, В. І. Бездітко, В. В. Тарашич]. – Харків : Торсінг плюс, 2011. – 768 с.

6 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. О. Н. Трубачева / М. Фасмер [Под ред. Б. А. Ларина]. Т. 1–4. – М. : Прогресс, 1964–1973.

7 Фразеологічний словник укр. мови [уклад. В. М. Білоноженко, В. О. Винник, І. С. Гнатюк, В. Й. Горобець]. – Київ : Наук.думка, 1999. – 980 с.

8 Сучасний тлумачний словник української мови / За заг. ред. В. В. Дубічинського. – Харків: ВД «Школа», 2008. – 832 с.

УДК811.161.1'373.233:398.91:811.161.3'373.233

С. Н. Бойкова

РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ПАРЕМИИ С ТЕРМИНАМИ НЕКРОВНОГО РОДСТВА

В статье описывается сложный комплекс взаимоотношений некровных родственников, отраженный в русских и белорусских поговорках; дается толкование терминов некровного родства, представленных в паремиологических единицах; указывается на общность и различия в поведенческом отношении некровных родственников в кругу семьи.

Лексика и терминология родства в славянских языках принадлежат к древнейшему общеславянскому (а ядро – к индоевропейскому) фонду и демонстрируют не только сложность и разветвленность традиционной системы родственных отношений (степень сложности различна в разных традициях), но и характерные для славян способы их осмысления [1].

Отношения родства могут иметь в славянских языках также много других (непрямых, метонимических и метафорических) обозначений, из которых самыми регулярными являются *соматизмы* (лексика частей тела и телесных субстанций) и *фитонимы* (названия растений). Связь понятий родства с этими двумя лексическими сферами неслучайна, она отражает в первом случае антропоцентризм традиционной картины мира, выражающей социальные понятия на языке человеческого тела; во втором – «биологизм», обращение к растительному (вегетативному) коду для обозначения социальных отношений.

К наиболее универсальным относится обозначение родства посредством слова *кровь*: рус. *кровное родство*, *кровный родственник*, *кровь от крови* 'родное дитя', *единокровный*, *кровь* 'род, племя, поколение'; бел. *кроў* 'кровное родство', *крэўні* 'родственники', пол. *krewni* 'родственник', серб. *мушка крв*, *дебела крв* 'родство по отцу', *женска крв*, *танка крв* 'родство по матери', *девета крв* 'дальнее родство', *туђа крв* 'чужой, не родной' и т. д. Исконно *кровь* соотносилась лишь с родством по отцовской линии, сравн. рус. *единокровный* (о детях, имеющих общего отца) и *единоутробный* (о детях, имеющих общую мать), серб. *род по крви и по млеку* 'родство по отцу и по матери'.

Общее значение родства могут иметь также слова *кость* (рус. *кость от кости*, *кость от костей* 'о кровном родстве', др.-рус. *кость* 'род, племя', серб. *кост* 'порода, потомство', *туђа кост* 'лицо, не связанное кровным родством', пол. *z krwi i kości* 'исконный, родной' и т. п.); *колено* (ст.-слав. *кољно* 'племя, поколение', рус. *колено* 'степень родства': диал.

первое колено 'ближайшие родственники', второе, третье колено 'двоюродные и более дальние', серб. *мушко колено* 'мужская линия родства', *женско колено* 'женская линия родства'); *семя* (рус. *семя* 'потомство'; серб. *семе* 'потомство, род'); *плоть* (др.-рус. *плѣть* 'род, родство, потомство', серб. *син по пути* 'сын по плоти, родной сын'); *сердце* (серб. *срце* 'потомство, дети', *деца од срца* 'родные дети', *без срца* 'о бездетной матери'), *жила* (рус. диал. каргопол. *жила* 'семья, род'; серб. *жила* 'происхождение, род', макед. диал. *ена жила сне* 'мы одной жилы, т. е. родные'), *реже мясо*, *пуп*, *чрево* (рус. диал. *черёво*, серб. *трбух*, *трбук* 'потомство') [2, с. 7–11].

Большое количество компонентов-названий родственников в русском и белорусском языках связано с более детализированной номинацией семейно-родственных отношений в этих языках. Это позволяет предположить, что близкие и дальние родственные связи имеют для русских и белорусов большое значение.

После заключения брака и венчания молодые получали новый статус *зятя* и *невестки* (*снохи*). Теперь ближней родней становятся родители супругов. Раньше муж и жена называли родителей своих супругов матушкой и батюшкой, признавая, что входят в новую семью на правах ребенка: рус. *Одно дитя роженое (дочь), другое суженое (зять)* [3]; бел. *Адно дзіця радзона, а другое судзона* [4]. В новой семье у молодых появлялись новые родственники – *свёкор*, *свекровь*, *тесть*, *тёща*, а также *золовка*, *деверь*. Отношения с родней у молодых были неоднозначными.

В русском и белорусском языках лексема *невестка* (*сноха*) / *нявестка* имеет следующее значение: '1. Женщина по отношению к отцу и матери ее мужа. 2. Жена брата или жена сына, а также замужняя женщина по отношению к братьям и сестрам ее мужа (и их женам и мужьям)' [5, с. 737; 6, с. 319].

Для номинации невестки (*снохи*) в русских и белорусских паремиях используются лексемы рус. *невестка*, *невестушка*, *сношенка*, бел. *нявестка*, *нявехна*. Жизнь невестки в доме родителей мужа – тяжкая доля. С женитьбой сына семья получала молодую работницу, к которой могли относиться несправедливо [7, с. 12–15]: рус. *Все в семье спят, а невестке молоть велят; Невестушка, полно молоть! Отдохни, потолки (говорит свекровь); Пусть невестка и дура, только бы огонь пораньше дула*; бел. *Не пытай, ці галоўка гладка, да пытай, ці мяцёна хатка*. В белорусском паремийнике также отмечено негативное отношение к нерадивым невесткам: *Дзе нявесткі ў хаце тры, там няма вады ў вядры; Сем лет нявестка ў хаце была, а не ведала, што сучка без хваста*. Белорусские паремии характеризуют невестку как неродную кровь для новой семьи: бел. *Кукушка – не птушка, нявестка – не дачушка; Нявестка не дачушка – сяннік не падушка*. Присутствие невестки в доме настраивает на отрицательное к ней отношение: бел. *Хоця няма нявесткі, але яе андарак вісіць; На дачку крычу, а нявехна дола дайся; Нявестка порсткая, як сена жорсткае*.

Лексемы *свёкор* / *свёкар*, *свекровь* / *свакруха* по данным словарей в русском и белорусском языках имеют следующее значение: рус. *свёкор*, бел. *свёкар* 'отец мужа' [5, с. 699; 8, с. 90]; рус. *свекровь*, бел. *свакруха* 'мать мужа' [5, с. 699; 8, с. 97].

Для обозначения отца мужа в паремиях используются лексемы рус. *свёкр*, *свёкор*, бел. *свакор*, а матери – рус. *свекровь*, *свекровушка*, бел. *свакроў*, *свакруха*. Свекровь с предубеждением относится к молодой невестке. В некоторых случаях и свёкор не очень милует невестку. На этот счет существует большое количество народных изречений: рус. *В лихом свёкре правды нет; Журлива, что свекровь; Свёкор – гроза, а свекровь выест глаза; Свекровь на печи, что собака на цепи; У лихой свекрови и сзади глаза; Блудливая свекровь и невестке не верит*; бел. *Кошку б'юць, а нявестцы наветкі даюць; Свакроў любіць нявестку, як сабакі дзеда; Агонь з вадой ў адной хаце не жывець; Помніць свакруха свае маладыя гады і нявестцы не верыць*. Белорусские паремии дают описание сложного нрава свекрови: бел. *Свакруха добра не бывае, усё ліхая ды ліхая; Свакроў – пся кроў; У каго свакроў дурная, то й дамоў не ахвоціцца*, а также рассматривается зависимость хороших отношений с невесткой от самой свекрови: бел. *Як добра свакроў, то добра і нявестка*. Невестка могла стать

любимицей свёкра и получать от него особые знаки внимания. Тогда говорили так: рус. *Сношенка у свёкра – госпоженка*; бел. *Свякор нявестку навучаець, да ў лоб векам лучаець*. С этим также связано и название свёкра (*сношник*), который вступал в интимные отношения со снохой: *Смалчивай, невестка, – сарафан куплю* (говор. *сношник*).

Пожалуй, самыми сложными и разнообразными в семье являются отношения зятя и тещи. В русском и белорусском языках лексема рус. *зять*, бел. *зяць* по данным словарей определяется как ‘муж дочери’ [5 Ожегов, с. 238; 9, с. 524]. В паремиях обозначение мужа дочери реализуется следующими номинациями: рус. *зять*, *зятёк*, бел. *зяць*.

Лексемы *тесть / цесць*, *тёща / цешча* в рассматриваемых языках имеют следующее значение: рус. *тесть*, бел. *цесць* ‘отец жены’ [5, с. 795; 10, с. 241]; рус. *тёща*, бел. *цешча* ‘мать жены’ [5, с. 796; 10, с. 242]. В исследуемых паремиях встречаются следующие обозначения тестя: рус. *тесть*, бел. *цесць*; тещи: рус. *тёща*, бел. *цешча*, *цёшча*.

Если зять приходился ко двору, то его принимали как родного сына: рус. *Чуж-чуженин, а стал семьянин (зять)*; *Для зятя и дверь пола (настежь)*; *Зять на двор – пирог на стол*; *Пожалуйста, зятек, съешь пирожок!*; бел. *Зяць на двор, то й чарка на стол*. Умные родители зятя не обижали, старались при встречах угостить его как следует: рус. *У тёщи-света для зятя приспето*; *Зять да сват у тёщи – первые гости*; *У тёщи для зятя и ступа доит (т.е. доится)*; бел. *Зяць на парог – цёшча за яеиню*; *Цешча жыва, калі трапіў на абед*.

Существовали свадебные шутки по поводу того, что зять много потребляет еды: рус. *Думала теща, пятерым не съесть; а зять-то сел, да за присест и съел*; *Наливай на гуцу, зять будет (говорит тесть)*; *Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду*; *Не жалеј тещина добра – колупай масло шилом!*; бел. *Зяць усе пажрэ: яйца зварыць і юшку пажлукціць*. Грозного и буйного зятя родители жены побаивались: с ним не ужиться, а в ссоре может и побить стариков. Видно, были причины недолго любить зятя: несладко приходилось дочке в семье мужа, вот и приходилось учить молодца уму-разуму [7, с. 16–17]: рус. *С сыном бранись, на печь ложись; с зятем бранись, за скобу берись (т. е. уходи; о тесте)*; бел. *З зяцем дзярыся – за клямку бярыся, з сынам дзярыся – на печку грабіся; З зяцем сварыся і за дзверы бярыся*. Определённое количество паремий демонстрирует отрицательное отношение к зятю, так как у русских и белорусов дочерей родители опекают и после замужества. Часто тесть с тещей оказывают материальную помощь семье замужней дочери, а отсюда и негативное отношение к зятю, который не способен материально обеспечить семью: рус. *На зятьёв не напасеешься, что на яму*; *У наших зятей много затей*; *Не зять бы был, не чертом бы (не собакой) слыл*; *Тесть, как ни вертись, а за зятяка поплатись!*; *Бедному зятю и тесть не рад*; бел. *Дзе зяць паганы, там цешчу запрагаюць у сані*; *Зяць любіць цешчу багатую, а жонку здаровую*; *Залаты зяць, ды няма дзе залатое лыжкі ўзяць*; *Зяць – толькі ўзяць*. О том, что зять пользуется гостеприимством тестя и тещи, свидетельствуют следующие выражения: рус. *Не зять бы был, кабы на сырной тёщу не навестил*; *Зять на двор – пирог на стол*; бел. *Зяць на двор – цешча за яйцы*; *Жонка любя для свету, а цешча – для заезду*. Лишь в незначительном количестве паремий выражается позитивное отношение к зятю: рус. *Зять по дочке помилеет, а сын по невестке опостылеет*; бел. *Як зяць пры дадцэ, то матцы сто рублёў у руцэ*. Негативное отношение к родителям жены со стороны ее мужа также отмечено в паремиях обоих языков: рус. *Был у тёщи, да рад утёкши*; бел. *Быў у цёшчы, рад уцекшы*; *Як цёшчы зяць укроіць хлеба, то кажа: на, хутчэй, бо пераломіцца; а як жонцы: на, бо рука замлела*.

Особое место занимают паремии о зяте-примаке, когда он поселяется в доме тестя, так как двое мужчин начинают претендовать на главенство в семье: рус. *На хлеб едока, на печь лежня, а на себя нарядчика (о зяте)*; *Бери зятя в дом, неси бога вон!*; *Зять в дом – и иконы вон*; *Тесть за зятя давал рубль, а после давал и полтора, чтоб свели со двора*; *Прими зятя в дом, а сам убирайся вон!*; *Нет черта в доме – прими зятя!*; бел. *Гдзе проста, там анёлаў со ста, а гдзе многа зяцей, там сто чарцей*; *Пусці зяця, калі няма чорта ў хаце*; *Аднаго Юрку ўпусцілі, а ўся хата заюрылася*. Белорусские паремии описывают непростое

положение мужа-примака, живущего на территории жены. Он расценивается как рабочая сила в доме, не имеющая мужского слова: бел. *Прымачы хлеб – сабацы (Доля прымацкая – сабацкая); Хто ў прымаках не бывае, той і гора не знае; Прымак – той жа парабак; Прымачку і торбачка на кручку; Прымак пятнаццаць гадоў цёшчынага ката на «вы» заве.*

В круг новых родственников после заключения брака молодыми попадают также *деверь* и *золовка*. Лексема рус. *деверь*, бел. *дзевер* в русском и белорусском языках объясняется следующим образом: 'брат мужа' [5, с. 159; 9, с. 164]. В данном значении в пословицах и поговорках используются слова рус. *деверь*, бел. *дзевер*.

Слово *золовка* / *залоўка* в русском и белорусском языках имеет значение 'сестра мужа' [5, с. 235; 9, с. 340]. В русских и белорусских поговорках для обозначения *золовки* используются лексемы рус. *золовка, золовушка*, бел. *залоўка, залвіца, заловачка*.

Отмечено в поговорках отношение к невестке со стороны сестры мужа (*золовки*) и брата (*деверя*). *Золовкой* сестру мужа называли по обряду «золования», когда она осыпала новобрачную золой из родной печки, а с утратой сакрального смысла этого понятия к ней приклеился ярлык «злыдни» [11]. В патриархальной семье она была по положению выше невестки, жены своего брата, и зачастую молодой жене от золовки доставалось больше, чем от сварливой свекрови: рус. *Золовки-колотовки, побей головки; Золовка – зловка; золовка – колотовка; золовка – мутовка*; бел. *А залоўка злая, як свякроўка ліхая; Залвіцы выберуць очы на спіцы; Лучшай дзевераў чатыры, чым заловачка адна; Залоўка – змяіная галоўка*. Русские поговорки описывают всю тяжесть невестки в семье, в которой её недолюбливают и считают чужой: *Первая зазнобушка – свёкор да свекровушка; другая зазнобушка – деверь да золовушка; Свекор кропотлив, свекровь журлива, деверь пересмешник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив; Свекор журлив, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмешник; Свекор говорит: нам медведицу ведут; свекровь говорит: людоядицу ведут; деверь говорит: нам неткашу ведут; золовки говорят: нам непряху ведут*.

Поговорки русских и белорусов о семье подтверждают мысль о том, что семья является сложной многоплановой структурой, в которой отражена определенным образом совокупность стереотипов поведения русских и белорусов, их морально-нравственных норм. В свою очередь функционирование в поговорках слов-терминов некровного родства способно выявить очень тонкие смысловые нюансы, позволяющие объяснить особенности национального менталитета.

Список использованных источников

1 Трубацев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубацев ; под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 211 с.

2 Толстая, С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре / С. М. Толстая [и др.] ; под ред. С. М. Толстой. – М. : Индрик, 2009. – С. 7–23.

3 Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1984. – 383 с.

4 Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад. М. Грынблат ; пад рэд. А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

5 Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1990. – 917 с.

6 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 3: Л–П. – 1979. – 672 с.

7 Синько, И. А. Как правильно называть родственников? Кто кому кем приходится? / И. А. Синько. – М. : АСТ; СПб : Сова, 2007. – 62 с.

8 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5. Кн. 1: С–У. – 1983. – 663 с.

9 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984 – Т. 2: Г–К. – 1978. – 768 с.

10 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5. Кн. 2: У–Я. – 1984. – 608 с.

11 Пономарева, В. Кем приходится жена мужниной родне: невесткой или снохой? Традиции предков / В. Пономарева // Познавательный журнал «ШколаЖизни.ру» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://shkolazhizni.ru/culture/articles/34435/>. – Дата доступа : 05.11. 2016.

УДК 811.16`373:398.2

Т. В. Валодзіна

СЛАВЯНСКІЯ КАСМАГАНІЧНЫЯ ЛЕГЕНДЫ І ФРАЗЕАЛОГІЯ: УПЛЫВЫ ЦІ СУПАДЗЕННІ

Рассматриваются фразеологические обороты, генетически связанные с космогоническими представлениями белорусов. Обосновывается вывод о том, что органичное переплетение библейских реплик с архаичными мифологическими схемами обуславливает возникновение магических практик.

Антрапа- і касмаганічныя легенды славян уваходзяць у склад так званай «народнай Бібліі». Прыхаджане, перш за ўсё вясковыя, светапогляд якіх арганічна спалучае як хрысціянскія, так і дахрысціянскія элементы, падчас набажэнстваў у храмах слухалі, успрымалі кананічныя і апакрыфічныя сюжэты, і пачутае заканамерна аб'ядноўвалася з архаічнымі поглядамі. Шматлікія “цытаты” з славянскай сярэднявечнай кніжнай традыцыі, дзе былі шырока распаўсюджаны сюжэты, узятыя з Бібліі або візантыйскіх апокрыфаў, праходзілі такім чынам фальклорную апрацоўку ў кантэксце традыцыйнай карціны свету. Многае з таго, што лінгвісты назвалі «ўскоснымі біблеізмамі», фалькларысты даўно і ўстойліва называюць народнабіблейскімі матывамі і вобразамі. Асэнсаванне падзей «святшчэннай гісторыі» ў штодзённым жыцці традыцыйнага грамадства знаходзіць канкрэтнае ўвасабленне не толькі ўласна ў цытатах, хай і «ўскосных», але і ў сістэме актуальных вераванняў, а таксама звязаных з імі рытуальна-магічных практык. Беларускія антрапаганічныя легенды ўтрымліваюць вельмі цікаўныя дэталі, якія ўяўляюць сабой своеасаблівую трансфармацыю біблейскага сюжэта аб першых людзях (Быццё, гл. 1–5).

Устойлівы, да прыкладу, матыў рагавой абалонкі, якая пакрывала цела прабацькоў да грэхападзення. Такое ногцевае цела было больш практычным, абараняла ад холаду. “У Адама і Евы шкура была такая, як у нас ногці, але як яны заграшылі і Бог іх выгнаў з раю, то тая шкура аблезла з іх, анно ў канцы пальцаў засталася” [9, s. 201]. У гэтым кантэксце вытлумачальнае асаблівае стаўленне да пазногцяў, якія сталі тлумачыцца як успамін пра першапачатковае аблічча чалавека. У беларускім Падняпроўі захаваліся паказальныя тэксты апатрапейнага ўспрымання пазногцяў, аднак дадзеная семантыка наўпрост увязваецца з антрапаганічным сюжэтам. Яшчэ больш цікава тое, што для наймення пазногцяў выкарыстоўваецца ўстойлівы метафарычны выраз *адамава шкура / цела*. Для засцярогі ад сурокаў рэкамендавалася правесці пазногцем па бровам і сказаць: “*Адамава кожа, сахрани мяне Божя, ад черных бровей да белых ног*”. Эта за сталом. Скажы, і пі і гуляй і еш, і нічога не прыстанець. І як прыдзеш на гулянку якую, і там народу многа, і ты прэкрасна выглядзіш, каб не зглазілі, нада так пальцы злажыць, адну руку і втарую, кулачкамі, і сматрэць на гэтыя